

A stylized illustration in a sketchy, hand-drawn style. On the left, a raven with long, dark feathers is perched atop a stone bust of Edgar Allan Poe. The raven's head is turned to the right, showing its beak and a single eye. The bust is a classical-style portrait of Poe with a mustache and a high-collared coat. To the right of the bust is a green glass bottle with a cork and a light-colored label. In the foreground, a single red rose lies on a thorny stem. The background is a light, textured wash of yellow and white with some reddish-brown splatters.

EDGAR ALLAN POE'S
**TALES of DEATH
and DEMENTIA**

ILLUSTRATED BY
GRIS GRIMLY

A stylized illustration featuring a crow perched on a bust of Edgar Allan Poe. The crow is shown in profile, facing left, with its beak open as if speaking. Its body is dark with some white highlights, and its wings are spread. The bust is a light-colored, textured sculpture of a man's head and shoulders, wearing a suit and tie. To the left of the bust is a green glass bottle with a cork and a light-colored label. In front of the bottle lies a red rose with green leaves and a thorny stem. The background is a light, textured wash of yellow and white.

ЭДГАР АЛЛАН ПО

СКАЗКИ СМЕРТИ и ЗАБВЕНИЯ

ИЛЛЮСТРАТОР
ГРИС ГРИМЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

Сердце — обличитель

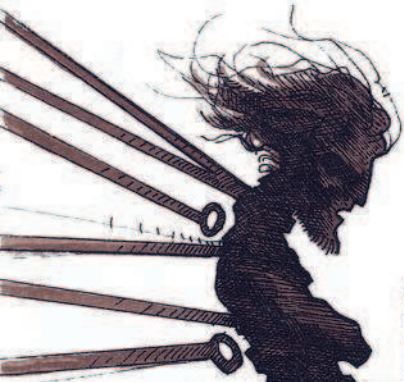

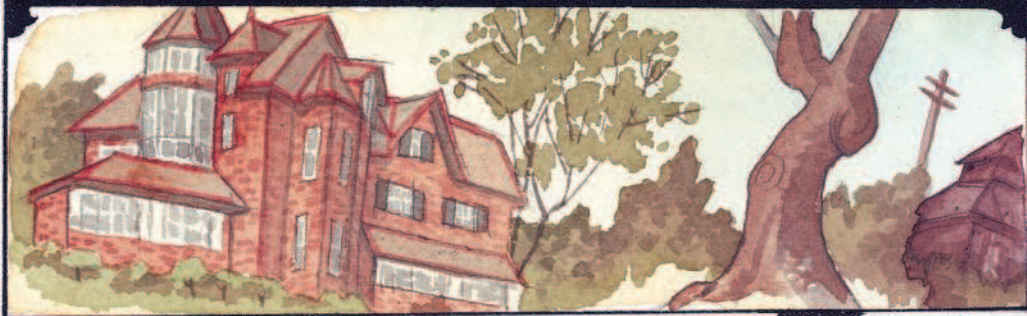
Правда! Я нервный — очень даже нервный, просто до ужаса, таким уж уродился; но как можно называть меня сумасшедшим?

От болезни чувства мои только обострились — они вовсе не ослабели, не притупились. И в особенности — тонкость слуха. Я слышал все, что совершалось на небе и на земле. Я слышал многое, что совершалось в аду. Какой я после этого сумасшедший?

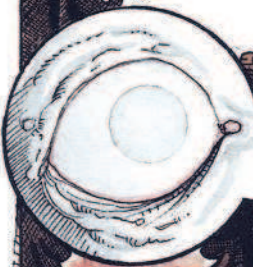

Сам не знаю, когда эта мысль пришла мне в голову; но, явившись однажды, она уже не покидала меня ни днем, ни ночью. Никакого повода у меня не было. И бешенства я никакого не испытывал. Я любил этого старика. Он ни разу не причинил мне зла. Ни разу не нанес обиды. Золото его меня не прельщало.

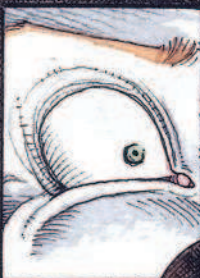

Пожалуй, виной всему был его глаз!

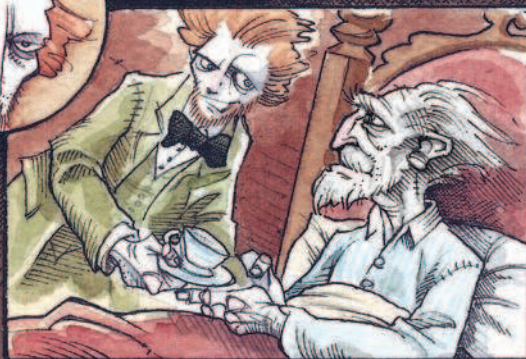

Да, именно! Один глаз у него был как у хищной птицы – голубоватый, подернутый пленкой.

Стоило ему глянуть на меня, и кровь
стыла в моих жилах; мало-помалу,
исподволь я задумал прикончить
старика и навсегда избавиться
от его глаза.

В этом-то вся суть. По-вашему, я сумасшедший. Сумасшедшие ничего не соображают. Но видели бы вы меня. Видели бы вы, как мудро я действовал — с какой осторожностью, с какой предусмотрительностью, с каким искусным притворством принялся я за дело!

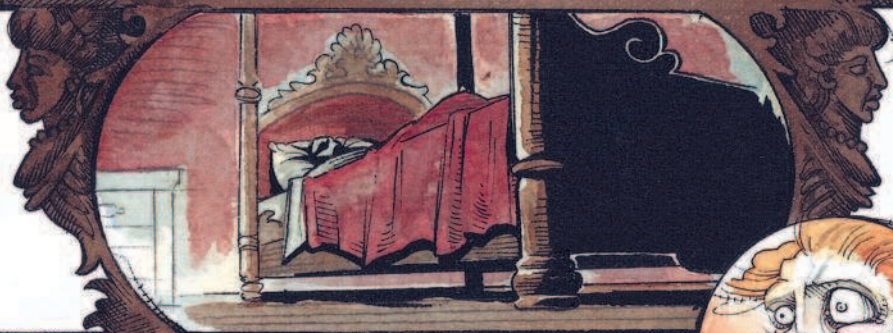

Всю неделю, перед тем как убить старика, я был с ним сама любезность. И всякую ночь, около полуночи, я поднимал щеколду и приотворял его дверь — тихо-тихо! А потом, когда в щель могла войти моя голова, я вводил туда затемненный фонарь, закрытый наглухо, так плотно, что и капли света не могло просочиться, а следом засовывал и голову.

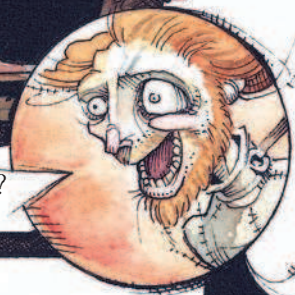

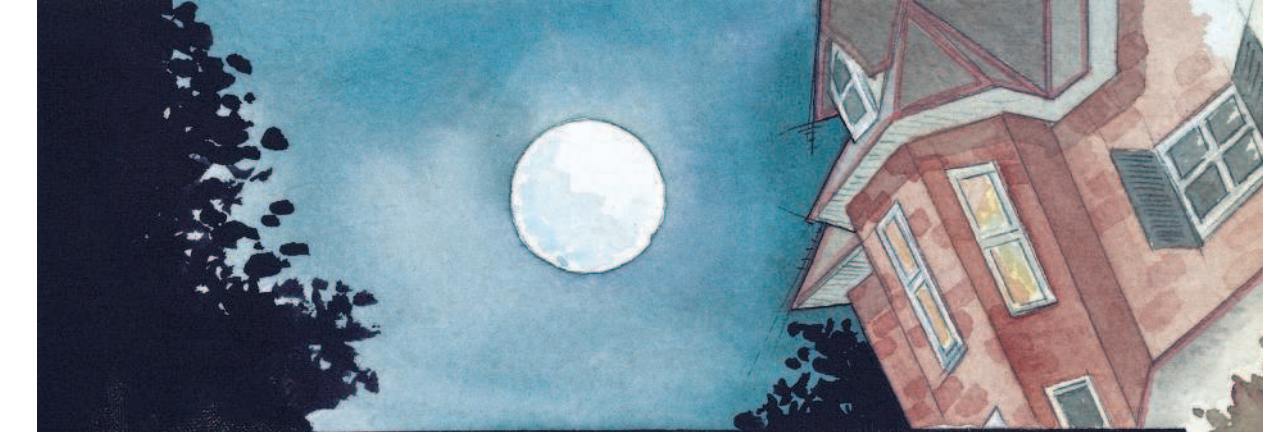
Ах, вы не удержались бы от смеха, если б видели, до чего ловко я ее засовывал! Я делал это медленно — очень-очень медленно, чтобы не потревожить сон старика. Лишь через час голова моя оказывалась внутри, так что я мог видеть старика на кровати.

Ха!.. Да разве мог бы сумасшедший действовать столь мудро?

А когда моя голова проникала в комнату, я открывал фонарь с осторожностью — с превеликой осторожностью, — открывал его (ведь петли могли скрипнуть) ровно настолько, чтобы один-единственный тоненький лучик упал на птичий глаз.

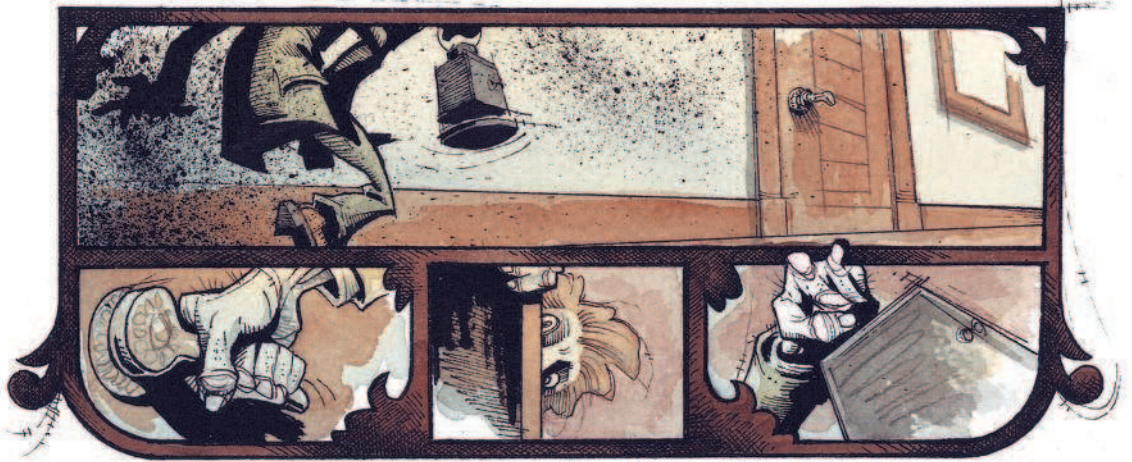

И все это я проделывал семь долгих ночей — всегда ровно в полночь, — но глаз неизменно бывал закрыт, и я никак не мог покончить с делом, потому что не сам старик досаждал мне, а его дурной глаз.

И всякое утро, когда светало, я преспокойно входил в комнату и без робости заговаривал с ним, приветливо окликал его по имени и справлялся, как ему спалось ночью. Сами видите, лишь очень проницательный человек мог бы заподозрить, что каждую ночь, ровно в двенадцать, я заглядывал к нему, пока он спал.

На восьмую ночь я отворил дверь с особенной осторожностью. Рука моя скользила медленней, чем минутная стрелка на часах. До той ночи я никогда еще так не упивался своим могуществом, своей прозорливостью.

Я едва мог сдерживать торжество. Подумать только, я потихоньку отворял дверь, а старику и во сне не снились мои тайные дела и помыслы. Когда это пришло мне на ум, я даже прыснул со смеху, и он, верно, услышал, потому что вдруг шевельнулся, потревоженный во сне. Вы, может быть, подумаете, что я отступил, — но ничуть не бывало. В комнате у него было темным-темно (он боялся воров и плотно закрывал ставни), поэтому я знал, что он не видит, как приотворяется дверь, и потихоньку все налегал на нее, все налегал.

Я просунул голову внутрь и хотел уже было открыть фонарь, даже нащупал пальцем жестяную защелку, но тут старик подскочил, сел на кровати и крикнул:

«Кто там?».

Я затаился и молчал.

Целый час я простоял не шелохнувшись, и все это время не слышно было, чтобы он опять лег. Он сидел на кровати и прислушивался — точно так же, как я ночь за ночью прислушивался к бессонной гробовой тишине в четырех стенах.